

Л. СЛАВИН

Уралец

РАССКАЗ

ОГИЗ

Молотовское Областное Издательство

1944

УРАЛЕЦ

(Рассказ)

Случалось ли вам проезжать заставы на военной дороге? Ближе к фронту, где только-что прошли бои, они выглядят попроще. Вместо пестрых щегольских шлагбаумов — свежеструганные бревна. Вместо нарядных комендатур — наскоро сплетённые шалашики. Мало дорожных знаков, и не успели ещё встать на обочинах агитплакаты, начертанные кистью художников автодорожной службы.

Но регулировщики здесь так же чётки и учтиво строги. А оживления тут, пожалуй, побольше, чем на тыловых заставах. Много людей сидит на зелёных откосах дороги, дожидаясь попутной машины. В тыл едут интенданты, обремененные вечными своими заботами о гигантском чреве армии, офицеры, переведенные в другую часть, да легко раненые, следующие оказией в полевой госпиталь. Через дорогу сидят те, кто возвращается на фронт из побывки либо командировки. Среди них в эти дни наступления на Смоленщине вы обязательно увидите несколько старух с остатками своего добра: цветным лоскутным одеялом, керосиновой лампой

Это был Денис Черторогов, высокий седоволосый юноша. Крепкие скулы, надменная линия рта, немигающие глаза в чёрных кругах очков придавали ему общее сходство с большой сильной птицей.

Он оказался не из разговорчивых. С высоты своего роста он снисходительно и даже словно бы лениво озирающее. С трудом ребята выжали из него несколько слов, из которых явствовало, что седым его мать родила, а глаза он себе испортил сам неумеренным чтением в университете. Он коротко добавил, что он астроном. На ногах у него были фиолетовые обмотки, доходившие только до икр. Из левой обмотки торчала деревянная обкусанная ложка. Выше шли ватные штаны, усеянные аккуратными заплатками. Стоял мороз, но Черторогову, видимо, не было холодно. Взлохмаченная ушанка его была сдвинута на затылок. Да, порядочно пришлось бы пошарить на земле в поисках ещё одного астронома с такой малоакадемической наружностью.

Есть в предгорьях Урала солёное озеро Шаркал, которое там называют Шаркальское морцо. На северном берегу озера стоит село Черемшаново.

Жители его издревле мастера в разных видах охоты: рыболовы, медвежатники, поимщики диких оленей. Все это народ видный, косая сажень в плечах, могучая грудная клетка, сапоги номер сорок пять.

Из рода в род переходят здесь телесная мощь, сдержанность в речи и особая, чисто уральская гордость. Исконные черемшановцы почитают непристойным для взрослого мужчины чему-либо удивляться. Излюбленное выражение их в чрезвычайных случаях жизни: „А что ж тут особенного?“ — сопровождаемое пренебрежительным пожатием плечами.

Наскучив охотой, утомительным зимним багренем осетра, пятнадцатилетний Денис ушёл в артель, промышлявшую обжигом угля. В характере Дениса была живость, которую, впрочем, можно было обнаружить только на фоне его медлительных земляков. Артельщики жили в лесу почти круглый год. Углежжение — тонкое искусство, приёмы его составляют наследственную тайну нескольких черемшановских семей. Для мальчишки с воображением жизнь вокруг неугасимых костров была полна пронзительной поэзии. Звезды сквозь ветви кедров светили Денису с заманчивой силой. Он отметил три алмаза Ориона. Ему хотелось знать, как их зовут. Раз в полгода двое выборных от артели приходят в город получать зарплату для всей ватаги. Как и старатели, они получают её в золоте. Накупив соли, муки, сала, водки, табаку и сахару, они снова на полгода исчезают в леса.

Среди этих выборных однажды случилось быть юному Денису. Он не вернулся в лес. Он остался в городе учиться.

Черемшановцы — народ основательный, с устойчивыми нравами. До сих пор много старых слов сохранилось в живом языке черемшановцев, вроде „топерва“, „втуне“, или „вертоград“. Черемшановца и на слух узнаешь по вопросительному напеву его речи, по неизгладимому его „чо“ вместо „что“. А на глаз не спутаешь черемшановца ни с кем из-за его молчаливой и плавной невозмутимости.

При всём том к 1941 году село Черемшаново дало стране семь инженеров, пять геологов, пять врачей, астронома и специалиста по романской поэзии первой половины средневековья. В селе появились рыбный техникум, два кинематографа, краеведческий музей и очень недурная библиотека.

Когда началась Отечественная война, черемшановцы пошли в армию. Большинство их сделалось разведчиками и вскоре отличилось, проявив в боях особый род уральского угрюмого азарта. Тот, кто видел в боях за Москву полки, составленные из уральцев, никогда не забудет молчаливой ярости, с какой они шли в атаку и на штурм. Их родичи, оставшиеся в тылу, перекачали своё усердие в литьё пушек и обточку снарядов. А ведь по первому взгляду уралец может и не понравиться сумрачным стилем своего обхождения. Так было и с Денисом Чертороговым.

Ротные ветераны признали, что для молодого бойца у Дениса слишком самоуверенные ухватки.

Бывалые бойцы наставляли его: дескать, плащ-палатку нужно заправлять так, а не этак, а запалы для гранат лучше бы держать в сумке, а не в кармане посреди ключей, рыболовных крючков и складных подзорных труб. Денис исполнял указанное быстро и точно, но с таким раздражающе независимым видом, словно он и сам всё это раньше знал, хотя на самом деле, как многие молодые бойцы, то и дело ошибался в мелочах солдатского распорядка.

На фронте час на час непохож. Накануне было довольно тихо. А первый день новобранца Черторогова оказался шумным. Война ему выдала всё сразу полной мерой. Только прибыв в часть, он тут же попал под бомбёжку.

Все попрыгали в щели. Сыпалась земля, чёрный дым полз над головой, кричали в тумане раненые. Старослужащий Игнатий Некрасов взял Дениса за руку и сказал ласково:

— Страшновато с непривычки?

Новобранец чуть пожал плечами и пробасил лениво и высокомерно:

— А что ж тут особенного?

Некрасов отвернулся. Его покорило это фанфаронство перед лицом смерти.

После бомбёжки новобранцев распределили по ротам. Денис попал в отделение Некрасова. Собрав своих, Некрасов повёл их во взвод через рощу, посеченную снарядами. Люди скользили

по наледи. В воздухе стояла морозная испарина. За холмом горело.

— То горит посёлок номер пять, — объяснил Некрасов.

— А там немцы? — спросил кто-то.

— Немцы покуда, — сказал Некрасов.

— Холодно, — сказал тот же боец и подул на озябшие пальцы.

— Через часок двинем на штурм посёлка, тогда согреешься, милый, — сказал Некрасов.

Все засмеялись.

К полудню в роту явились два разведчика с Ленинградского фронта. Они пробрались сюда сквозь немецкое расположение. Оба — краснофлотцы. Один маленький, бойкий, другой высокий, с вялым лицом. Он всё время грыз сухари. Все окружили ребят из легендарных ленинградских дивизий.

— Мы думали, что вы дальше. Молодцы волховцы, хорошо идёте, — сказал бойкий разведчик.

Он сообщил, что ленинградцы тоже продвинулись за ночь. Оба фронта действовали, как прессы, между которыми постепенно сплющивался пояс немецкой осады. Начались расспросы. Среди бойцов были ленинградцы. Они интересовались, как выглядит Ленинград и что в нём разрушено. Бойкий краснофлотец обстоятельно отвечал.

— А как Пулковская обсерватория? — спросил Черторогов.

Это был его первый вопрос за весь день.

— Разрушена, — сказал маленький бойкий разведчик, — всю, как есть, гады разрушили. Инструменты, правда, были эвакуированы. Спасены инструменты.

— А библиотека?

— Сгорела, — сказал бойкий, — вся, как есть, сгорела.

— Сгорела? — воскликнул Черторогов. — Какое несчастье!

Разведчик удивленно посмотрел на этого долгоязого новобранца в фиолетовых обмотках и в очках.

— Он астроном, — объяснил кто-то из бойцов, — работает, стало быть, по звездам.

— Сгорела, товарищ астроном, — повторил бойкий разведчик, — я как-раз хорошо это знаю, потому что у нас в роте был один парень с самого Пулкова, немолодой уже, Семенихиным его звать. Помнишь, Гаврила?

— Люто дрался тот Семенихин, — сказал бойкий разведчик, — прямо зверь был. А возраст имел солидный, все сорок.

— А где ж он? — спросил Черторогов.

— Погиб, товарищ астроном, — ответил бойкий разведчик.

— Он в плен попал, — вдруг сказал высокий разведчик хриплым, словно одичавшим от молчания голосом, — а фрицевский офицер дознался, кто он есть, и сказал: „Подвесить астронома поближе к звёздам“. Гад такой! Линеикин, у тебя, кажется, ещё сухари есть?

— Как же, есть, — сказал бойкий и вынул из мешка сухари, — сухарь вкусный, только он промокший, в болоте пришлось лежать, подпортились сухарики все, как есть.

— Так что же с ним? — нетерпеливо крикнул Черторогов.

— С кем? — сказал бойкий. — А, с астрономом. Так он, значит, уже в петле был, а все обкладывал фрицев прямо в глаза самыми последними словами. И мало того, плевался им в рожи. Мы после это село заняли, так нам жители рассказали. Отчаянный был парень!

В тот же день Черторогов попал в боевое охранение. Неглубокие окопы вились зигзагом посреди торфяных болот. В самую сильную стужу эти густые грязи не замерзали. Лёгкий пар подымался над ними. Сырой мороз пронимал до костей. Внезапно немцы открыли арт-огонь. Окопы были только-что открыты, блиндажей не было. Подражая другим, Денис вдавил своё большое тело в переднюю стенку окопа, откуда немедленно начала сочиться чёрная грязь. Там, где падали снаряды, вставали высокие фонтаны, смесь грязи и огня. Можно было не видеть их, закрыть глаза. Не слышать их нельзя было, даже если зажать уши мехом шапки, а сверху надавить кулаками изо всей силы. Всё равно, громовые разрывы проходили сквозь стенки черепа, такие, оказывается, тонкие.

Думать можно было только об одном: куда упадёт следующий снаряд. Вскоре это потеряло смысл, потому что снаряды падали помногу одновременно и впереди, и сзади, со всех сторон.

Игнатий Некрасов потянул за руку Черторогова. Новобранец повернул к нему лицо, бледность которого можно было заметить даже сквозь облепившую его грязь. Некрасов обнял Дениса за плечи и сказал:

— Ну, как тебе, парнишка? Дома на печи спокойней?

Стопятимиллиметровый снаряд ударил за низким бруствером. С жаром, грязью и свистом разлетелись рваные куски раскаленного железа. Оба бойца еще глубже вдавились в своё жидколедяное ложе. И, не вставая, Некрасов услышал прерывающийся, но упрямый голос Черторогова:

— А что ж тут особенного!

Вместе со всеми Черторогов побежал в атаку. Это был четвёртый час пребывания новобранца на фронте. Он ещё мало что понимал. Он не понимал, куда бегут, и чьи снаряды летят над головой, и зачем взлетают ракеты. Ему, правда, все это объяснили, но от необычности обстановки объяснения вылетели у него из головы. Он бежал, как и все, вперёд и видел перед собой знакомый затылок Игнатия Некрасова с резкими солдатскими складками и больше всего боялся оторваться от этого затылка. На ходу он перепрыгивал через какие-то рельсы. Его удивило, что пути такие узкие, он перемахивал

их без труда, не ушибляя шага. Потом он сообразил, что это узкоколейки. Они шли во все стороны. Местами рельсов не было, одни насыпи. Под какой-то насыпью Денис столкнулся с немцем. Он понял, что это немец по тому, что тот кинулся на него. Денис свалил немца и не стал задерживаться, боясь упустить затылок Некрасова. На бегу он поправлял очки, сползавшие на нос, и все бежал вперёд сквозь остатки домов, сквозь строй печных труб, бесстыдно обнаженных.

Зная, что в атаке надо кричать „ура“, Денис кричал „ура“. Он не заметил того, что сейчас все лежат и что он сам лежит, и лёжа продолжал одиноким голосом кричать „ура“, покуда чья-то чёрная рука, пахнувшая сыростью и порохом, не зажала ему рот. Он узнал Игнатия.

Потом опять побежали вперёд. Краснофлотцы Линеинкин и высокий Гаврила тоже бежали среди бойцов. В руке у Дениса оказалась записка, посланная политруком по цепи. В записке было сказано, что их рота геройским штурмом ворвалась в Рабочий Посёлок и сейчас гонит немцев дальше. Только сейчас Денис вспомнил, что немец, с которым он прежде столкнулся, укусил его в руку. Он оглянулся, чтоб увидеть насыпь, где упал немец. Но она была уже заслонена шеренгой опрокинутых вагонеток. Он посмотрел на свой штык. Штык был в крови. Кровь успела заledenеть красными сосульками. Денис заметил, что стало трудней бежать. Он

понял, что бегут в гору. Увидел недалеко продолговатый холм и развалины на вершине. С холма стреляли. Видны были дырки немецких блиндажей, более светлые, чем окружающая их земля.

Некрасов, бежавший попрежнему впереди, вдруг нагнулся и снял каску с бойца, упавшего на землю. Потом он приблизился к Денису, снял с Дениса ушанку и напялил на него каску. А ушанку сунул ему за пояс.

— Шапку-то не потеряй, — пробормотал он при этом.

Холодный металл жёг Денису голову. Он вынул платок и сунул его под каску. Концы платка он завязал под подбородком.

Как и другие, Денис спрыгнул вниз в траншею. Она была глубже нашей. И тут, между её высокими, обитыми дранкой стенами, Денис увидел своего второго немца. Прямо перед собой. Немец кинулся на Дениса и ударом приклада вышиб у него из рук винтовку. Денис бросился на землю и в эту секунду услышал над собой выстрел. Немец перешагнул через Дениса и побежал дальше. Видимо, он посчитал Дениса убитым. Денис поднялся, взял винтовку и пошёл в другую сторону по узкому земляному коридору. Коридор делал повороты и часто пересекался другими коридорами.

Из-за угла доносились крики и выстрелы, а здесь было тихо, безлюдно. Денис побежал за угол. Там всё было кончено. Дымился взорван-

ный блиндаж. Бойцы вылезали из траншеи. Вместе с другими вылез наружу и Денис.

Казалось, все немцы прогнаны. Внезапно сбоку ударили пулемёты. Несколько бойцов упало. Остальные залегли. Стрелял дзот, до толе незамеченный. Едва кто приподымался, как снова начинало хлестать из дзота. Так шло время в бездействии. А наши всё лежали. И каждый понимал, что это было губительно для общего продвижения на участке.

Вдруг лежавшие увидели фигуру. Одиноким боец, согнувшись, зигзагами бежал к дзоту. Ложился иногда. Вставал, бежал. Снова ложился, полз. Снова бежал в рост. Узнали в нём этого новобранца Черторогова, его длинные ноги в фиолетовых обмотках, очки, платок под каской. Жутко было смотреть, как он бежит навстречу пулям. Но он всё бежал, прикрытый легкой непрошибаемой броней своего счастья. В нескольких шагах от дзота он припал к земле и пополз. Потом вскочил, трижды метнул в амбразуру гранаты и рухнул.

Дзот замолчал. Все вскочили и побежали вперёд.

Денис, изорванный пулями, лежал подле зажжённого им дзота. Глаза его были закрыты, но он был жив и слышал топот и крики. Сильно болело в груди. Он попытался крикнуть, позвать к себе. Но у него нехватило сил, чтобы крикнуть, а только стало ещё больней в груди. Ему хотелось открыть глаза, но он боялся, что от

этого усилия он умрёт. Всё же, крепко напрягшись, он открыл глаза.

Он увидел небо. Три алмаза Ориона светились над ним. А, старые друзья пришли проведать его! Он приветственно махнул им ресницами. И звёзды махнули ему ресницами. Слёзы нежности потекли по лицу Дениса, засыпанному осколками очков. Он видел на небе знакомые дорожки, закоулки. Ему казалось, что он отбил у немцев не землю, а небо, вот это низкое доброе небо своего детства. Немцы окайнные захватили его, а он их оттуда вышиб, из своего родного неба. А приятели-звёзды, три блестящих молодца Ориона, спускались всё ниже, перемигиваясь и шепча: „Да, это он, наш парнишка из лесу“. Просто удивительно, до чего звёзды могут стать большими, прямо, как головы.

Да это и впрямь головы. Вот усатый Игнатий Некрасов и Линейкин, и сонный Гаврила, и много других ребят. Убедившись, что это люди, а не звёзды, Черторогов напряг всё живое и сильное, что ещё оставалось в его теле, чтобы натянуть выражение невозмутимости на своё жалкое окровавленное лицо. От усилия он издал стон.

Товарищам показалось, что он просит их о чём-то. Они наперебой спрашивали:

— Тебе воды, Черторогов?

— Может, тебе лежать неловко? Может, повернуть тебя?

— Оставьте его, — сказал Игнатий Некрасов, — ему уж ничего не нужно.

Он утёр глаза кулаком и сказал, усиливая голос, как бы желая пробиться сквозь бесчувственность Дениса:

— Черторогов, милый ты мой! Если ты меня слышишь, то знай, что мы все тут стоим возле тебя, весь третий взвод. И знай, что ты наш дорогой герой и мы все гордимся тобой, что ты не пожалел своей молодой жизни для родины...

Денис шевельнулся. Все умолкли, и в тишине пронёсся шопот Дениса:

— А... что ж... тут... особен...

Он не закончил, вытянулся и затих.

Бойцы переглянулись и стащили с голов каски. А Линецкий сказал:

— Отчаянный парень. Настоящий астроном! Жалко его. Ну да что ж, ни моря без воды, ни войны без крови.

Они положили Черторогова на шинель и, шагая в ногу, понесли его к могиле.

Там я и видел его в последний раз. Это был пятый час пребывания Дениса на фронте. Невдалеке под холмом радостно обнимались бойцы Волховского и Ленинградского фронтов, наконец, соединившиеся. Осада была пробита. Я поехал вперёд, не дождавись погребения Черторогова...

А вот сейчас он сидит вместе со мной в машине и рассказывает обо всём этом своим гудящим басом:

— Закваска у меня всё же уральская. Как стали меня тащить в землю, так я застонал. Ну, стало быть, отстаивать могилу и — в медсанбат. Дырок на мне много, а в общем все несмертельные. Заштопали меня в госпитале, и в общем я сделался такой же, как был, целый, гладкий. Только стал поразговорчивей. Должно быть, через эти дырки маленько выпарилась моя диковатость. Вернулся, стало быть, в строй. Ну и вырос на работе, как видите. Бывал после этого во всяких переделках. Но никогда не забуду того дня, как шёл к дзоту под пулями. Особое ощущение, знаете. К тому же был необстрелянный. Первый день все же...

— А вы понимали тогда, что совершаете подвиг?

— Умом-то я понимал. Но мне было страшно. А я полагал в ту пору, что настоящему герою не должно быть страшно. Так что я чувствовал себя в роде как самозванцем, который обманном образом втерся в славную страну подвигов, понимаете?

— А по вас не было видно, что вам страшно. У вас, помнится, был такой спокойный и даже небрежный вид.

— Гордость. Страх страха сильнее, чем страх смерти. Уральская гордость. Эге, да мы скоро приедем!

Мы свернули в лес и поехали по деревянному настилу, так называемой „лежневке“. Машина прыгала на брёвнах. Черторогов морщился.

Видно, давала чувствовать себя нога. Но он не жаловался и только один раз при сильном толчке прошипел сквозь зубы:

— Рвань дорога...

Я предложил поехать тише.

— Нет, нет — запротестовал он, — я так спешу. Сегодня ко мне прибывает пополнение, почему я и сбежал до времени из госпиталя. У нас ведь идёт наступление. А новобранцев, знаете, надо по особому вводить в бой. От этого многое зависит. По себе знаю. Так что, пожалуйста, давайте поскорей...

Дорога петлила. Деревья сближались всё тесней. В этих местах леса Смоленщины так же густы, как и Брянские. Сильно пахло хвоей. Наконец, Черторогов крикнул:

— Стоп! Приехали. Товарищ водитель, машину сюда, под навес.

Черторогов быстро шагнул по тропинке, слегка хромя. Часовой, стоявший под деревом с винтовкой у ноги, приветствовал нас по-ефрейторски.

— Здорово, Кашкин, — сказал Черторогов, — что, пополнение прибыло?

— Прибыло только-что, товарищ лейтенант. Поздравляю с выздоровлением, товарищ лейтенант, — сказал часовой, улыбаясь, но и не меняя своей бравой стойки.

Мы углубились в лес. Послышался ноющий звук немецкого разведчика. Черторогов обес-

покоенно поднял голову. Из-за леса показался „Хейншель“. Черторогов выругался.

— Щель справа за вами, товарищ лейтенант! — крикнул издали часовой.

Мы спустились в щель. Мы услышали разрывы фугасок и треск падающих деревьев. Двинувшийся воздух качнул нас. Кто-то кашлянул над нами. Мы подняли головы. Вверху стоял боец, рослый юноша, прислонившись к коренастому спокойному дубу. Он отковырял нам, смотря сверху вниз. Быть может, от этого мне почудилась в его глазах тень насмешки. Свободный пояс, чрезмерный, вылезавший воротничок выдавали в нем новобранца.

— Почему не укрываетесь? Марш в щель! — сердито крикнул Черторогов.

Юноша неспешно спустился в щель.

— Как зовут? — резко сказал Черторогов.

— Диомид Пьянов, — хмуро сказал юноша.

— Из каких мест?..

Ответа мы не услышали. Страшный и близкий грохот потряс лес. Толстый дуб, под которым только-что стоял новобранец, треснул и переломился.

— Видал? — строго сказал Черторогов. — Это, должно быть ваша первая бомбёжка?

Диомид Пьянов повернул своё немного побледневшее лицо и сухо сказал:

— А что ж тут особенного?

— Ого! — вскричал Черторогов и пристально взгляделся в новобранца,

Тот чуть пожал плечами.

— Скажите пожалуйста, какой герой, — пробормотал Черторогов, не спуская с юноши взгляда, в котором странно смешались гнев и нежность.

Я тоже посмотрел на новобранца и по его могучим рукам, спокойно сложенным на просторной груди, по надменному хладнокровию скуластого лица, по угрюмому блеску отваги в узких глазах тотчас узнал бессмертную и неукротимую породу уральских гордецов.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

„Известия“ от 25 и 26 сентября 1943 г.

Отв. за выпуск *Р. Л. Имас.*

Подписано к печати 12 февраля 1944 г. Формат 60,5 × 92,5/32.
Объем — 0,75 печ. л., авт. — 0,63 л., уч.-изд. — 0,78 л.
Изд. № 185. Цена 40 коп.

ЛБ 06045.

Тир. 10.000 экз.

Зан. 3158.

Р. Молотов. Типография треста „Полиграфинг“
ОГИЗ при СНК РСФСР.

1140

Цена 40 коп.